

ЧТО ТАКОЕ ПЬЕСА ДЛЯ ЧТЕНИЯ?

Некоторые не понимают, что такое пьеса для чтения, поэтому объяснюсь.

ПЬЕСА – текст для постановки в театре. В силу того, что пьеса адресована исключительно режиссеру и актерам, она не является литературным произведением, а представляет собой специальный внутритеатральный продукт.

ПЬЕСА ДЛЯ ЧТЕНИЯ – созданное в определенном жанре и обращенное к неопределенно широкому кругу читателей литературное произведение. Характерными признаками данного жанра являются обилие диалогов и их сопровождение авторскими ремарками. Диалоги и ремарки записываются в стандартном виде – том самом, который используется для записи просто пьес, – ну и что? Это не делает пьесу для чтения театральным продуктом. Пьеса для чтения имеет задачей создание максимально образной картинки не на подмостках, а в головах читателей, поэтому может оказаться легкой или сложной для театральной постановки, или вовсе к ней невозможной – не важно. Важно, чтобы она обладала литературными достоинствами.

Подведу итог. Просто пьеса должна обладать театральными достоинствами, пьеса для чтения – литературными достоинствами. Или вы не согласны?

Автор

СИДОРОВ – НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МАСТЕР УЖАСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Сидоров.

Мама Сидорова.

Рогалик.

Издатель художественной литературы.

Прокурор.

Дознаватель.

Журналисты на пресс-конференции.

Сцена 1

Квартира Сидоровых, в которой находятся Сидоров и его мама.

Сидоров: Мама, мне грустно.

Мама Сидорова: Почему, сыночек?

Сидоров: Потому. Что.

Мама Сидорова: Опять издатели?

Сидоров (*взрываясь*): А что издатели? Ну, издатели. При чем тут издатели?

Мама Сидорова: Я думала...

Сидоров (*со злобным наслаждением*): Я бы душил издателей голыми руками, одного за другим, за то, как они с нами, писателями, поступают.

Мама Сидорова: Не говори так, сыночек.

Сидоров: У Эдгара По были с издателями серьезные проблемы. У самого Эдгара По, вдуматься только!

Мама Сидорова: Не надо так говорить.

Сидоров: Амброз Бирс был влиятельнейшим человеком в «Сан-Франциско Экзэминер», но и ему приходилось издаваться за собственный счет, тиражом 250 экземпляров.

Мама Сидорова: Ты говоришь со зла.

Сидоров: Лавкрафта издатели третировали.

Мама Сидорова: Не все же издатели плохие? Наверное, среди них попадаются и хорошие.

Сидоров (*с горячностью*): Нет! Не попадают! Ни одного! Гоголь говорил, что первого встреченного издателя следует повесить на первой попавшейся березе.

Мама Сидорова: Неужели?

Сидоров: Если не веришь, почитай «Избранные места из переписки с друзьями». А как они издевались над Достоевским, мама, как они издевались над Достоевским?! Достоевского я издателям ни за что не прошу. Ни-за-что. Ни-ког-да.

Мама Сидорова (*стыдливо улыбаясь*): Так ты из-за Достоевского? Я подумала...

Сидоров: Что я из-за себя...

Закрывает лицо руками.

Мама Сидорова: Не надо переживать, сыночек. Невезение когда-нибудь закончится.

Гладит вихрастый сидоровский затылок.

Сидоров: Не надо, мама. Не надо.

Мама Сидорова: Все будет хорошо.

Сидоров: Со мной и так все хорошо.

Мама Сидорова: Вот и хорошо, что хорошо.

Продолжает гладить.

Сидоров (*яростно*): Я добьюсь, чтобы мои романы ужаса были опубликованы.

Мама Сидорова: Конечно, добьешься. Наверное, ты просто недостаточно стараешься, а когда постарайся как следует...

Сидоров (*с искренней обидой*): Но я стараюсь как следует. Оттачиваю стиль каждый день.

Мама Сидорова: Вот и молодец, что оттачиваешь.

Сидоров: Ведь я умею писать страшно. Смотри, вот этот отрывок из моей повести ужасов «Маразматика, или Возмездие навылет», он же по-настоящему страшный, вместе с тем реалистичный! Когда я его писал, у меня мурашки по спине ползали.

Находит нужный файл и с выражением постепенно нарастающего на лице ужаса зачитывает.

В парке была детская площадка, а на детской площадке – песочница. В ней, благо погода стояла теплая и солнечная, играла в кулички маленькая девочка. Неожиданно к девочке подошел хулиган и отобрал у нее совочек. Девочка заплакала, размазывая по щекам слезы обиды.

«Как вам не стыдно, молодой человек?» – обратился к хулигану Любомир Иванович, проходивший поблизости.

«Тебе чего, дядя?» – взъерепенился хулиган и пырнул Любомира Ивановича ножом в живот. После этого схватил совочек и убежал.

«Аааа!» – страшно закричала девочка, лишившаяся совочка.

Любомир Иванович пошатнулся и выронил портфель, пытаясь засунуть выпавшие внутренности обратно в живот. Потом упал на газон и затих, конвульсивно подергиваясь конечностями.

Все это происходило на глазах Степана Валериановича, старого друга Любомира Ивановича.

Мама Сидорова: Аааа!

Сидоров (*с воодушевлением*): Пробрало? Наконец-то, пробрало?! Признайся, тебе стало по-настоящему страшно?

Мама Сидорова: Что это такое?

Указывает на диван, откуда из-под одеяла свешивается длинный хвост.

Сидоров: А, это. Это варан.

Мама Сидорова: Кто?

Сидоров: Большая ящерица с Комодских островов. Я его сегодня на улице подобрал. Смотрю: лежит под деревом, и никому до него дела нет. Я и подумал: этому одинокому существу еще хуже, чем мне.

Мама Сидорова: Вот как?

Сидоров: В свернутом состоянии он напоминает рогалик, поэтому я назвал его Рогаликом.

Мама Сидорова: Действительно, напоминает.

Сидоров: Рогалик, Рогалик...

Хвост на диване оживает.

Мама Сидорова (*просительно*): Сыночек...

Сидоров: Что, мама?

Мама Сидорова: Нет, ничего. Ты не знаешь, вараны с Комодских островов пьют пастеризованное молоко?

Сидоров: Не знаю.

Мама Сидорова: Пойду налью вам с Рогаликом пастеризованного молока.

Сидоров: Мне не надо. Я занят.

Мама Сидорова: Продолжишь оттачиваешь стиль?

Сидоров: Да. Продолжу.

Мама Сидорова: Отточешь и понесешь в издательство?

Сидоров (*с надрывом*): Что же мне еще остается, если я родился писателем? Я не виноват, мама — это ты меня таким родила.

Мама Сидорова: Но...

Сидоров: Не начинай сначала, прошу тебя.

Мама Сидорова: Может, попробуешь отнести в издательство что-нибудь другое? Если не печатают романы ужасы, напиши про любовь.

Сидоров: Я мастер ужасного жанра.

Мама Сидорова: Мне тетя Сима недавно дала почитать одну очень увлекательную книжку про любовь...

Сидоров: О чем ты говоришь, мама? При чем тут тетя Сима? Про какую увлекательную любовь? Эдгар По и не подумал бы писать про любовь, даже под угрозой смертной казни! Лавкрафт и Амброс Бирс на любовь чихали! И у Гоголя про любовь практически ничего не написано! А Достоевский спал со своими машинистками — вот тебе и любовь!

Мама Сидорова: Ты мог бы...

Сидоров: Нет! Ни за что!

Мама Сидорова (*вздыхая*): Пойду принесу Рогалику молока.

Уходит на кухню.

Сидоров: Теперь ты понимаешь, Рогалик, отчего мне грустно? Ты мне сочувствуешь, дружище?

Хвост на диване утвердительно помахивает в ответ.

Сцена 2

Кабинет издателя художественной литературы. Издатель сидит за столом, рядом с высооченной стопкой сложенных на полу рукописей. В дверь робко заглядывает Сидоров.

Сидоров: Можно?

Издатель: Проходите, проходите, молодой человек. Как ваша фамилия?

Сидоров: Сидоров.

Издатель: Как Сидоров? Тот самый Сидоров?

Сидоров (*он ошеломлен. Только и может произнести*): Сидоров.

Издатель: Это вы написали?

Роется в рукописях. Выуживает одну из них.

Издатель: Сидоров. «Маразматика, или Возмездие навылет». Это ведь ваше?

Сидоров: Мое.

Издатель: Поздравляю, Сидоров, мощно пишете. Вы перспективный. Да какое там перспективный, что я говорю! Вы, несмотря на молодость, сложившийся мастер хоррора.

Сидоров (*оседая на стул*): Спасибо.

Издатель: Особенно мне понравилось это...

Бегло пролистывает рукопись.

Вот...

Зачитывает.

Был поздний вечер, через две недели после похорон Любомира Ивановича. На улице – сильная гроза. Вялый Степан Валерианович, то засыпая, то снова просыпаясь, смотрел телевизор. Он бы его давно выключил, да лень было подняться с кресла. Внезапно Степану Валериановичу почудился шорох за окнами. Пересиливая себя, он все-таки встал, отдернул занавеску и выглянул на улицу. Как раз в это мгновение вспыхнула молния. В ее ирреальном свете с той стороны стекла проявилось чье-то зеленое лицо.

«Аааа!» – испуганно завопил Степан Валерианович и отшатнулся, задернув занавеску.

«Не бойся, Степан Валерианович, это я, твой старый друг Любомир Иванович», – послышался из-за окна хриплый, до боли знакомый голос.

Сидоров: Это один из лучших кусков.

Издатель: Какая экспрессия, какой искрометный юмор, какие психологизмы! Для литературы ужасов психологизмы – редкость. Уж вы мне поверьте, Сидоров.

Сидоров (*скромно*): Я старался.

Издатель: Еще как старались! Вы пишете литературу ужасов почти так же мощно, как Амброз Бирс.

Сидоров (*обрадованно*): Вы читали Бирса?

Издатель: Разумеется, читал. Я же издатель, я иногда читаю.

Сидоров: А как вам Лавкрафт?

Издатель: О, они с Бирсом настоящие наследники Эдгара Алана По! Жалко, что в России мастера ужасов такого класса до сих пор не рождалось. Но теперь появились вы...

От смущения Сидоров закрывает лицо руками.

А с вами и надежда на развитие гоголевских традиций.

Сидоров (*только и может вымолвить*): Вы знаете...

Издатель: Что?

Сидоров: Я не надеялся встретить понимающего издателя. Такого, как вы. С которым можно было бы запросто пообщаться на литературные темы.

Издатель (*с дружеской укоризной*): Вы меня удивляете, Сидоров. С кем еще общаться на литературные темы, как не со мной? Не знаю, как в других издательствах...

Сидоров: Да, да! Там мрачно. Откажут, и пары слов в утешение не произнесут.

Издатель: ...А в нашем издательстве вы всегда встретите сочувственный прием. Потому что у нас, в отличие от других издательств, работают настоящие профессионалы, подвижники издательского бизнеса.

Сидоров: Спасибо. Значит, вы меня напечатаете?

Издатель: Как только принесете деньги на опубликование вашего замечательного романа ужасов, так сразу договор и подпишем. С договорами у нас быстро, обходимся без волокиты.

Сидоров: Какие деньги?

Издатель: То есть как какие деньги, Сидоров? Вы меня удивляете. Вы, не поймите меня превратно, пришли в коммерческое издательство, а коммерческие издательства предназначены для того, чтобы приносить учредителям прибыль. Если я не стану приносить прибыль, учредители на мне живого места не оставят — уволят без выходного пособия в течение 24-х часов. Поэтому я не могу ни с того ни с сего напечатать нераскрученного автора. Готика вышла из моды. Упадочный жанр, неоптимистичные прогнозы плюс общее удорожание публикаций. Вы не представляете, Сидоров, почему нынче бумага! Типографии дерут безбожно, а мне еще гонорары авторам выплачивать. Вот если бы авторы сами верстали свои книги, сами печатали и распространяли, а прибыль несли издателю!

Сидоров: А сколько нужно, чтобы издать книгу?

Издатель: Три тысячи.

Сидоров (*испуганно*): Долларов?

Издатель: Евро.

Сидоров: У меня нет таких денег!

Издатель: А вы придумайте, как достать, тогда и приходите. Вы новый российский Амброз Бирс, а Амброз Бирс, да будет вам известно, печатался на свои деньги, а не на издательские. Если вы смогли сочинить роман ужасов, наверное, и денег сможете достать на его опубликование. Фантазируйте, фантазируйте, Сидоров, а за нами не заржавеет, на то мы издатели, подвижники художественной литературы! Разыщите какого-нибудь филантропа, из поклонников, который дал бы денег на опубликование и раскрутку книги. Когда раскрутитесь, пойдет как по маслу, можете мне поверить. Достанете денег и сразу ко мне! Немедленно! С филантропом под ручку!

Сидоров (*грустно*): Так мне идти?

Издатель: В других издательствах, Сидоров, вас накормили бы лживыми обещаниями, но я готов раскрыть вам суровую правду жизни — грубую подноготную профессиональной писательской изнанки. А грубая подноготная в том, что на писательстве богатеют не писатели, а издатели.

Сидоров: Серьезно?

Издатель: Я что, похож на несерьезного человека? Разве Амброз Бирс разбогател на своих трудах? А вот я не писатель, поэтому у меня в квартире восемь комнат и три санузла. А у вас в квартире сколько санузлов?

Сидоров: Один.

Издатель (*проницательно*): Совмещенный?

Сидоров: Совмещенный.

Издатель: Видите, все сходится: я не писатель, и у меня в квартире три отдельных санузла, а вы писатель, и у вас в квартире один совмещенный санузел. А вспомните, Сидоров, какие проблемы с опубликованием были у Лавкрафта! Как он маялся, бедняга! А если бы непрофессиональные издатели публиковали его по первому требованию, да еще гонорары выплачивали, вряд ли Лавкрафт превратился в матерого американского класика. Такова судьба всех творческих интеллигентов — да что я вам рассказываю, сами знаете! Ступайте, Сидоров, ступайте и хорошенько задумайтесь над моими словами.

Понурый Сидоров забирает рукопись и прикрывает за собой дверь.

(*По телефону*). Охрана? Запирайте, больше я никого не жду. Последний сейчас выйдет.

Издатель встает из-за стола. Подходит к окну и поворачивает жалюзи.

За окном поздний вечер и сильная гроза. Внезапно Издателю чудится за стеклом неясный шорох. В этот момент на улице вспыхивает молния. В ее ирреальном свете на Издателя смотрит чье-то разгневанное зеленое лицо с высунутым раздвоенным языком.

Издатель: Аaaa!

Сцена 3

Из материалов пресс-конференции городского прокурора.

И з з а л а : Что вы можете сказать по поводу так называемого книжного маньяка?

П р о к у р о р : Ну, маньяки — это по вашей, журналистской части.

Смех в зале.

И з з а л а : Я имел в виду убийства издателей.

П р о к у р о р : Действительно, несколько дел, возбужденных по факту кончины ответственных работников крупных издательств, в частности «Лямбда-Централь», «Деловая макулатура», «Венера Московская» и «Книжная астролыбия», объединены в одно. Это сделано вследствие вновь открывшихся обстоятельств.

И з з а л а : Нельзя ли подробней?

П р о к у р о р : Первые две смерти первоначально связывались с несчастными случаями, хотя и вызвали определенные подозрения. Оба покойных, Пахомов и Кириллов, получили инфаркты в рабочих кабинетах, хотя ранее на здоровье не жаловались. По мнению расследовавших эти дела криминалистов, выражение их лиц свидетельствовало о сильнейшем душевном потрясении в момент гибели. Вы сами могли заметить это на фотографиях, опубликованных в желтой прессе, если бы внимательно присмотрелись.

Разворачивает газету, на первой странице которой — оскаленное серое лицо с высунутым языком и выпученными глазами. Зал оживляется.